

Paluyan E., candidate of Philology, assistant professor
Yermakova E., candidate of Philology, assistant professor
Gomel state university, Gomel, Belarus

CALENDAR HOLIDAYS AND CEREMONIAL SPRING RITES IN ROGACHEV DISTRICT

The article discusses the calendar holidays and ceremonial spring rites recorded on the territory of Rogachev district of Gomel region. The focus is on the meaning of the holidays and their ceremonial activities.

Key words: *spring calendar cycle ritual, celebration, ritual action, symbolic and ritual functions.*

УДК 398.87(=161.3)

Иванова А.П., аспирант

Гомел. гос. унив. им. Ф. Скорины, Гомель, Беларусь

МУЖСКИЕ ОБРАЗЫ В МИФОЛОГИЧЕСКИХ БАЛЛАДАХ БЕЛОРУСОВ

В статье на богатом фактическом материале рассматриваются мифологические баллады белорусов, основное внимание уделено мужским образам (брат, муж, отец, вдовец).

Ключевые слова: *баллады, мифологические баллады, мужские образы.*

Тексты мифологических баллад широко представлены в песенном репертуаре жителей Беларуси. Особый интерес в сюжетах этих баллад вызывают сюжетообразующие женские и мужские образы.

Мужские образы, которые имеют место в текстах баллад, можно разделить, учитывая такие критерии, как социальный статус и семейные взаимоотношения: брат, муж, отец, вдовец.

Образы брата и сестры в рамках сюжета «братки» необходимо рассматривать неделимо, поскольку через эти образы (брата и сестры) отражена линия судьбы одной семьи и показана искренняя борьба за лучшее будущее. Страдания и испытания, которые необходимо было пройти родным людям, в поисках личного счастья, ведь отец прогнал их по внушению мачехи, благополучно повлияли на их моральные качества. Встреча, которая состоялась через несколько лет, привела к взаимоотношениям, которые складываются в счастливую свадьбу, но выясняется их родственная связь. Один из способов, избавиться от стыда, с которым им пришлось столкнуться, метаморфоза в траву («скинуться травой»): «– Шынкарачка малада, / Скажы ж праўду, адкуль ты. // – А я з места мешчано, / А назвіска Вайтоўна. // – Ты, галубчык, душа мая, / Скажы ж праўду, адкуль ты. // – А я з места мешчано, / А з неўзвіска Вайтоў сын. // Яичэ ж мяне бог сцярог, / Што з сястрыцай спаць не лёг. // Яичэ ж мяне бог жалеў, / Што з сястрыцай грэх не меў. // – Прыйдзём, сястра, ў цёмны лес, / Няхай нас звяр'ё і'есць. // – Не, браточак,

© Иванова А.П., 2016

баюся, / Пайду лепей ўтаплюся. // Сонца кажыць, высушу, / Вецер кажыць, выхаплю. // А бог кажэ, долю дам, / Несумысля шлюб узяў. // Пойдзем, браток, гарою, / Абернемся травой. // Будуць красачкі шчыпаць, / Брата і сястру спамінаць» (записано в д. Мильча Минской обл.) [1: 260-261].

В некоторых текстах мифологических баллад встречается образ брата, который способен либо донести на свою родную сестру, либо выгнать её из дома за потерю «злота»: *«Ніхто таго дзіва не бачыў, / Толькі забачыў старшы брат, / На ганачку стоячы, / На тое дзіва глядзячы. // Прышоў дадому і кажэ: – Мамачка ж мая старая. // Што наша Ціхоня ўчыніла, / Злоты баяры згубіла»* [1: 383]; *«Да за ёю брацейка слядзіці, / Што будзе Ціхоня рабіці. // Да што будзе Ціхоня рабіці, / Да прышоў дадому, гаворыць. // Да прышоў дадому, гаворыць: – Да мамачка мая родная, / Да мамачка мая родная, / Што наша Ціхоня зрабіла! // Да што наша Ціхоня зрабіла, / Усю сваю красату згубіла»* (записано в д. Губина Минской обл.) [1: 389].

В текстах баллад с сюжетом «детюк стал тернем, девка – калинаю» выступает собирательный образ братьев, которые невзначай лишают жизни свою сестру, и за свое преступление, которое было совершено по неосторожности, они раскаиваются и готовы понести наказание: *«Да калышучы ўранілі, / Насмерць сястру забілі. // Да прышоў да яе старшы брат: – Ці не трэба сястрэ карэнне? // – Мне не трэба, братка, карэнне, / Да толькі душы збавенне. // Да сячы, братка, сыры дуб, / Да зрабі мне вечны дом, / Пахавай, братка, у касцёле / Пры левым боцы, пры сцяне, / Пасей, братка, руту-мяту, / Да пасадзь, братка, стрэлкаю»* [1: 402].

Существует в текстах и собирательный образ братьев-разбойников, который отражен в сюжете «сестра и братья-разбойники». Они убили своего родственника по незнанию и взяли в плен родную сестру, и об этом узнали только после преступления, а единственный выход для себя за своё злодеяние они видят в метаморфозе: *«– Адукуль, купчоўна, якога роду? / – А я роду небацьшога: / Жыла ўдава на Падоле, / Ёй мела ўдава дзевяць сыноў, / Дзiesiąтую дачку – Насценьку. // Сыны ўзраслі – у разбой пайшлі, / Дачка ўзрасла – замуж пайшла. // – Уставайце ж, братцы, / А што ж мы зрабілі! // Свайго швагра да й убілі, / Пляменнічка загубілі! // Пойдзем жа мы ў чыста поле, / Рассыпемся мы каменнейкам: / Пускай людзі сабіраюць, / А ў жаркіх печых распалюць, / Пускай з нас грахі знімаюць»* [1: 423-424].

По утверждению А. Киркора, «еще в XIX в. в Беларуси почти каждый камень больших размеров или необычной формы фактически был культовым и возвеличивался здешним населением» [2: 221-222], поэтому желание превратиться в камни для героев считается символическим.

С течением времени мужчина меняет свой семейный статус и становится мужем, о чём свидетельствуют сюжеты мифологических баллад. Мужчина, состоящий с женщиной в официальном браке, по отношению к ней является супругом. Однако, в мифологических балладах, записанных на территории Беларуси, образ мужа представлен амбивалентно, с одной стороны, муж, который совершенно недоволен выбором супруги и единственный выход для себя видит в метаморфозе, а с другой стороны, муж, который скорбит по ушедшей жене и страдает от того, что его дети остались сиротами.

В балладе «Зажурыла маці сына» сюжетобразующим является образ мужа, который решил «скинуться Дунаем», и причина тому неудачная женитьба, а единственный

способ стать свободным от уз брака – это метаморфоза: «*Зажурыла маці сына, / Зажурыла маладога / За коніка варанога, / За няўдалую жаніцьбу. // – Судзі, божа, вясны даждаць, / Я паеду разжанняся, / Дунайчыкам абярнуся*» [1: 442–443].

В иных сюжетах мифологических баллад не происходит метаморфоза с героями-мужчинами (мужем), и в тексте раскрывается образ мужа, который по-настоящему страдает от потери своей жены, и не желает мириться с горем, которое произошло в его семье: «*А ў хату ўхаджу – калыска вісіць, / За калыскай жонка ляжыць. // – Галоўка мая буйнюсенькая, / Чаго раненька склапацілася? // Ручкі мае бялюсенькія, / Чаму раненька сашчапіліся? // Ножкі мае драбнюсенькі, / Чаго раненька падламіліся? // Дзеткі мае драбнюсенькі, / Чаму раненька засіраціліся?*» [1: 573]; «*Уехаў я ў двор – цяслі цясююць, / Там маёй жонцы хатку будуюць. // Заехаў я ў дом – ложа ўслана, / Там мая жонка ляжыць убрана. // У галованьцы свечкі гараць, / А ў ножаньках дзеткі плачуць*» [1: 570–571].

Вышеуказанные мужские образы характеризуются своей амбивалентностью (они наделены положительными и отрицательными чертами), но только образ отца в пределах текста баллад, имеет отрицательную характеристику, он может прогнать или проклясть своих родных детей. Отрицательное отношение отца к своим родным детям приводит к одиночеству, раскаянию и их поиску, чтобы вернуть домой, но всё это не даёт положительных результатов: «*Хто там у лесе гукае? // Бацька дзеці шукае: / – Ідзіце, дзеткі, дадому, / Дрэнна жыці адному. // – Жыві, бацька, як бог даў, / Бо харошу жонку ўзяў. // А мы будзем служыці, / Чужым людзям гадзіці*» [1: 282].

Показан в текстах баллад и образ отца, который способен проклясть своего единственного сына, поскольку тот отказался слушать его советы, и не получил родительского благословения: «*Быў у бацькі адзін сын, / І той бацькі не слухаў. // І той бацькі не слухаў, / Сеў на каня, паехаў. // Сеў на каня паехаў, / Яго бацька моцна скляў. // Яго бацька моцна скляў, / Яго конік гарой стаў. // А сядзельца – каменем, / Ён малады – яварам*» [1: 350].

Однако, состояние человека после смерти одного из членов семьи меняется, поэтому в мифологических балладах с сюжетом «братки» отражён образ вдовца, который потерял свою первую жену и опрометчиво поступил по отношению к своим родным детям. Послушав свою новую жену, он равнодушно отнесся к их судьбе, оказался под влиянием собственных желаний на лучшую судьбу и счастье: «*– Лепей жонка першая, / Чымся тая другая. // Я з першаю дзеткі меў, / А з другою гадаваў. // А з трэцяю, нягодніцай, / Сваіх дзетак разгагнаў. // – Ёдзецце, дзеткі, служыці, / Чым мачысе гадзіці. // Чым мачысе гадзіці, / Рызы-латы насіці*» [1: 254].

Таким образом, в текстах мифологических баллад, записанных на территории Беларуси, продемонстрированы положительные и отрицательные черты характера, а также раскрыты моральные качества мужчин, которые можно наблюдать через следующие мужские образы: брата, мужа, отца, вдовца.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Балады ў дзвюх кнігах. Кн. 1. / Рэд. К.П. Кабашнікаў, В.І. Ялатаў. – Мн.: Навука і тэхніка, 1977. – 784 с.
2. Беларуская міфалогія: Энциклапед. слоўн. / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш. – Мн.: Беларусь, 2004. – 592 с.

Іванова А.П., аспірант
Гомельський гос. ун-т ім. Ф. Скорины, Гомель, Беларусь

ЧЛОВІЧІ ОБРАЗИ В МІФОЛОГІЧНИХ БАЛАДАХ БІЛОРУСІВ

В статті на багатому фактичному матеріалі розглядаються міфологічні балади білорусів, основна увага приділена чоловічим образам (брат, чоловік, батько, вдовець).

Ключові слова: балади, міфологічні балади, чоловічі образи.

Ivanova A.P., graduate student
F.Skorina. state. univ., Gomel, Belorussia

REPRESENTATION OF MEN IN MYTHOLOGICAL BALLADS OF BELORUSSIA

The article deals with the analysis of the rich factual material of mythological ballads of Byelorussia in terms of the representation of men as brothers, husbands, fathers, widowers and etc.

Keywords: ballads, mythological ballads, representation of men.

УДК 398.91(=161.3):177.7

Коренькова Т.В., магістрант
УО «ГГУ имени Ф. Скорины», Гомель, Беларусь

МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ В ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ БЕЛОРУСОВ

В данной статье рассматриваются пословицы и поговорки белорусов, в текстах которых отражаются морально-этические принципы нашего народа. В проанализированных паремиях описаны такие важные качества человека, как доброта, добропорядочность, искренность, честность, правдивость, а также выражено отношение белорусов к дружбе, гостеприимству.

Ключевые слова: пословицы и поговорки белорусов, морально-этические нормы.

В пословицах и поговорках нашли отражение все аспекты жизни и деятельности человека, в том числе и морально-этические нормы.

Фундаментальными морально-этическими категориями являются «добро» и «зло». В зависимости от содержания приведенных норм каждый конкретный человек и строит линию своего поведения. В Толковом словаре белорусского языка «**дабро** – 1) «усё добрае, станоўчае»; 2) «добрыя справы, учынкi» [1: 107]. Белорусы считают, что добро и зло – это, что Бог даёт человеку в зависимости от его поступков. В большом количестве белорусских пословиц и поговорок описание добра как моральной категории связано с лексемой Бог, что нашло свое отражение в текстах следующих пословиц и поговорок: «Справядлівага чалавека бог любіць, да яму шчасця не дае» [2: 254], «Добры і богу трэба, а благога і чорт не бярэ» [2: 254].

© Коренькова Т.В., 2016